

А.И. Никитин©, Е.К. Зведре©

A.I. Nikitin©, E.K. Zvedre©

Ключевые задачи сохранения и упрочения стратегической стабильности

Key tasks for preserving and strengthening strategic stability

DOI: 10.31249/ape/2019.01.04

Аннотация. Происходящие в последние десятилетия глобальные геополитические сдвиги потребовали переосмысления представлений о стратегической стабильности, которая до этого основывалась на взаимном ядерном сдерживании сверхдержав. С переходом от биполярного к многополярному миру содержание глобального стратегического баланса утратило одномерность, а на передний план выдвинулись новые угрозы национальной безопасности. Разрушение биполярной системы и переход к полицентричной модели миропорядка привели к заметному ослаблению режима нераспространения ядерного оружия. Геополитические изменения и технический прогресс наполнили новым содержанием военно-стратегический баланс двух ядерных сверхдержав. Авторы анализируют подходы, которыми Россия и США в настоящее время руководствуются при оценке стратегической стабильности, и рассматривают факторы и направления международной деятельности, которые могли бы содействовать сохранению и упрочению многосторонней стратегической стабильности.

Abstract. Global geopolitical shifts which have taken place in recent decades require a rethinking of the concept of strategic stability, which previously had been based on mutual nuclear deterrence of the superpowers. Along with the transition from a bipolar to a multipolar world, the content of the global strategic balance lost its one-dimensional character,

and new threats to national security came to the forefront. The destruction of the bipolar system and the transition to a polycentric model of world order facilitated weakening of the regime of nuclear non-proliferation. Geopolitical changes and technical progress gave new meaning to the military-strategic balance of nuclear superpowers. The authors analyse the approaches of Russia and the United States to strategic stability and investigate factors and directions of international activity that could contribute to the preservation and strengthening of multilateral strategic stability.

Ключевые слова: *стратегическая стабильность, многополярность, стратегические вооружения, нестратегические вооружения, контроль над вооружениями.*

Keywords: *strategic stability, multipolarity, strategic weapons, non-strategic weapons, arms control.*

Происходящие в последние десятилетия глобальные геополитические сдвиги потребовали переосмысления представлений о стратегической стабильности, сложившихся в разгар холодной войны, как о производной отношений СССР и США, стремившихся превзойти друг друга в количестве и качестве ракетно-ядерных арсеналов и при этом избежать прямого и открытого военного противостояния, чреватого губительными последствиями планетарного масштаба. Стратегическая стабильность основывалась на взаимном ядерном сдерживании двух сверхдержав, а центральным направлением ее укрепления начиная с 1970-х годов было поддержание паритета и пропорциональное сокращение ракетно-ядерных арсеналов, на которое обоих соперников вынудило пойти осознание дальнейшей бесперспективности гонки вооружений.

В советско-американских договоренностях 1972 г. по ограничению стратегических наступательных вооружений и стратегической противоракетной обороны были сформулированы общие подходы к обеспечению военно-стратегического равновесия между двумя сверхдержавами, хотя в тех документах еще не говорилось о стратегической стабильности. Сам термин «стратегическая стабильность» появился лишь в последних разоруженческих соглашениях советской эпохи – Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД, 1987 г.) и Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1, 1991 г.).

Кроме того, 1 июня 1990 г. руководители СССР и США подписали Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности.

С переходом от биполярного к многополярному миру содержание глобального стратегического баланса утратило однородность, на передний план выдвинулись угрозы, игравшие подчиненную роль во времена жесткой конфронтации сверхдержав. К тому же выяснилась практическая бесполезность ядерных арсеналов для реагирования на новые вызовы международной безопасности, в частности со стороны негосударственных акторов.

Среди таких новых дестабилизирующих факторов выделяются дальнейшее распространение ядерного оружия и ракетных технологий, особенно ракет средней и большой дальности, создание высокоточных и мощных неядерных вооружений, способных заменить в ряде случаев стратегические ядерные средства, создание глобальной ПРО, планы милитаризации космоса, международный ядерный терроризм. Одним из ключевых факторов, оказывающих все более деструктивное воздействие на поддержание стратегической стабильности, становятся региональные конфликты, длящиеся не один десяток лет (Индия – Пакистан, Израиль – Иран, КНДР – Республика Корея), в которых потенциально может быть использовано ядерное оружие и велики шансы эскалации боевых действий за пределы регионов¹.

Вместе с тем достаточно быстро выявилась кардинальная асимметрия в восприятии Россией и США удельного веса и значимости именно новых угроз и вызовов, равно как и степени их дестабилизирующего воздействия на глобальную безопасность. Постепенно эта асимметрия стала нарастать и доминировать, а

¹ В данной работе не рассматриваются такие явления глобального порядка, оказывающие заметное дестабилизирующее влияние на международную стабильность, как миграционные проблемы, трансграничная преступность, незаконный оборот наркотиков, этнические и религиозные конфликты, хотя они, несомненно, также вносят свой вклад в общеполитическую дестабилизацию международной системы.

реалии взаимного стратегического сдерживания вновь выдвигаться на передний план в двустороннем диалоге.

С точки зрения обеспечения национальной безопасности России на передний план вышли проблемы расширения НАТО и приближения Альянса к ее границам, глобализация операций Альянса и несанкционированное СБ ООН применение силы, курс США на достижение превосходства в новейших вооружениях, в том числе высокоточных, и в области ПРО, а в более общем плане – сложность реализации интересов России на постсоветском пространстве и в других секторах региональной и глобальной безопасности.

С точки зрения США в новом наборе основных угроз национальной и международной безопасности стали преобладать, особенно после терактов 11 сентября 2001 г., международный терроризм и связанный с ним радикальный ислам, а в качестве главной угрозы национальной безопасности – курс государств «изгоев» на обладание ОМУ и ракетными технологиями, давший новый импульс попыткам реализовать многолетнюю «американскую мечту» о создании надежного противоракетного щита. В последние годы в числе основных угроз вновь фигурирует Россия.

В полицентричном мире вопрос сокращения двумя ядерными сверхдержавами стратегических ядерных сил (СЯС) стал утрачивать свою общепризнанную значимость в качестве ключевого условия поддержания глобальной стратегической стабильности, уступив место проблематике ядерного нераспространения и, в определенной степени, растущей угрозе ядерного терроризма. Быстро росло влияние новых региональных и глобальных акторов и центров силы, для которых разоруженческая повестка играла и продолжает играть второстепенную роль. К тому же из-за несовпадения интересов остальных ядерных государств процесс разоружения так и не удалось трансформировать из двустороннего в многосторонний.

Развитие режима нераспространения ядерного оружия (ЯО), сформированного в период холодной войны великими державами на базе Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., на протяжении трех десятилетий носило в целом поступа-

тельный характер. Причем наиболее значимые меры по укреплению режима нераспространения ЯО шли рука об руку с прорывными соглашениями по контролю над ядерными вооружениями между СССР/Россией и США конца 1980–1990-х годов, когда были заключены Договоры по РСМД, СНВ-1 и СНВ-2. Крупные сдвиги, способствовавшие укреплению режима, имели место и в смежных областях разоруженческого процесса: были подписаны и вступили в силу Договор об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и Конвенция о запрещении химического оружия (КХО).

Залогом эффективности режима нераспространения ЯО стало дипломатическое взаимодействие в критических случаях СССР и США – ключевых стран – участниц ДНЯО и его гарантов, которое не прекращалось даже на пике жесткой конфронтации в 1980-е годы. Так продолжалось и в 1990-е годы, когда срочно потребовалось решать вопрос о судьбе советского ядерного арсенала, который оказался разбросанным на территории нескольких независимых государств, а также в случаях с ядерными разработками стран, впоследствии по разным причинам отказавшихся от своих ядерных программ (Аргентина, Бразилия, ЮАР, Ливия).

Несмотря на не всегда стыкующееся понимание растущих новых угроз и дестабилизирующих факторов, России и США на данном направлении в целом удавалось находить общий язык и налаживать совместную работу. Однако начиная с 2000-х годов позитивное воздействие диалога России и США на эффективность ядерного нераспространения постепенно стало сходить «на нет» из-за нарастания между ними глубоких противоречий геостратегического характера.

Разрушение биполярной системы и переход к полицентричной модели миропорядка привели к заметному ослаблению режима нераспространения ЯО, стабильность и развитие которого обеспечивались сверхдержавами. Ряд государств получил стимулы к приобретению оружия массового уничтожения на фоне растущей напряженности и одновременно снизившейся способности мирового сообщества этому противодействовать. Технический прогресс сделал более доступными ядерные технологии, не говоря

уже о химических и бактериологических, что также способствовало усилиям военно-политических элит «пороговых» стран по «повышению» собственного статуса на мировой арене через обзаведение оружием массового уничтожения.

Наиболее показательным индикатором дестабилизирующего воздействия распространения ЯО на глобальную безопасность стал провал переговоров стран «шестерки» (Россия, США, Китай, Япония, Южная Корея и КНДР) по свертыванию северокорейской военной ядерной программы, а также обострение ситуации вокруг ядерной программы Ирана.

Многолетние попытки мирового сообщества путем переговоров добиться денуклеаризации Корейского полуострова, равно как и резолюции Совбеза ООН, вводившие все новые экономические санкции против северокорейского режима, не привели к ликвидации *северокорейской оружейной ядерной и ракетной программ*¹.

Очередная эскалация напряженности имела место осенью 2017 г., когда в ответ на воинственные угрозы Пхеньяна в адрес США и Южной Кореи администрация Д. Трампа выступила с жесткими заявлениями о готовности применить вооруженную силу против Северной Кореи, не останавливаясь даже перед уничтожением режима. Кризис был урегулирован на личных переговорах Д. Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре летом 2018 г., хотя характер достигнутых на них договоренностей во многом по-разному по-

¹ КНДР официально заявила о выходе из ДНЯО в январе 2003 г., а в мае того же года – о прекращении действия Совместной декларации КНДР и Республики Корея о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. 10 февраля 2005 г. северокорейский МИД сообщил о создании в стране ядерного оружия, которое «является всецело оборонительным» и будет оставаться «силой ядерного сдерживания». В 2006–2017 гг. КНДР провела шесть испытаний ЯО. Россия и Китай занимают солидарную позицию вместе с остальными членами СБ ООН, настаивая на том, чтобы КНДР полностью отказалась от ракетно-ядерных программ и вернулась в ДНЯО и МАГАТЭ, однако, в отличие от западных стран, Японии и Южной Кореи, призывают к тому, чтобы действия КНДР не использовались в качестве предлога для наращивания военного потенциала в регионе. Москва и Пекин также указывают на безальтернативность политико-дипломатического решения кризиса.

нимается договаривающимися сторонами. Пхеньян все еще ожидает так и не сформулированных политических гарантий своей безопасности со стороны США и других ядерных держав, не назвал он пока и экономическую «цену» денуклеаризации (в терминах международной экономической помощи), а США не готовы к частичному, поэтапному снятию санкций до полной ликвидации северокорейского ядерного оружия. Практическая деятельность Пхеньяна по совершенствованию ракетно-ядерного потенциала была в 2018 г. в одностороннем порядке приостановлена, однако механизмы международной верификации применены не были. Также нет гарантий, что эти договоренности необратимы.

С принятием 14 июля 2015 г. Политического соглашения между Ираном и «шестеркой» международных посредников (Россия, США, Китай, Великобритания, Франция и Германия), получившего название Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), появилась реальная возможность найти компромиссное решение по *иранской ядерной проблеме* и в перспективе снять с нераспространенческой повестки дня один из самых сложных и противоречивых вопросов.

Согласно СВПД, в обмен на снятие с Ирана большинства международных санкций вся деятельность страны, связанная с обладанием ядерным потенциалом, ставится под международный контроль, при этом запрещается деятельность потенциально военного характера. Между тем важно помнить, что СВПД – соглашение политическое, и его реализация зависит от того, готовы ли участники руководствоваться зафиксированными в документе приоритетами, а не собственными интересами, а также от того, насколько изменения в международной обстановке могут сказаться на соблюдении его условий.

Со сменой руководства в Белом доме возникла серьезная угроза срыва дальнейшей имплементации СВПД. В октябре 2017 г. президент США Д. Трамп заявил о «новой стратегии» в отношении Ирана, затем не подтвердил Конгрессу, что СВПД «соответствует интересам США», и добился разрыва «ядерной сделки» с Тегераном и возвращения санкционного давления на иранский режим.

«Новая стратегия» США по Ирану ставит под удар результат многолетних дипломатических усилий группы ведущих стран мира, что будет чревато самыми серьезными последствиями для поддержания режима ядерного нераспространения. К тому же инициатива новой американской администрации уже привела к расколу среди участников урегулирования иранского ядерного кризиса, возникла опасность разделения мирового сообщества на сторонников и противников новой санкционной атаки на Тегеран. ЕС уже принял законодательство, защищающее европейские компании от возможных санкций США за сотрудничество с Ираном; Соединенные Штаты пока остаются в одиночестве в своем изменившемся отношении к иранской проблеме.

В ряду вызовов современности, представляющих растущую угрозу для безопасности мирового сообщества, особое место занимает *проблема международного терроризма*, ставшая особенно актуальной после терактов 11 сентября 2001 г.

С созданием ядерного оружия и накоплением больших запасов расщепляющихся материалов, в том числе оружейного качества, возникла угроза *ядерного терроризма*, который эксперты определяют как применение или угрозу применения экстремистскими и фундаменталистскими организациями ЯО или радиоактивных материалов для достижения своих политических, экономических, националистических или религиозных целей. На сегодняшний день ядерный терроризм представляет собой наиболее опасную форму международного терроризма, имеющую значительный потенциал дестабилизирующего воздействия на глобальную безопасность.

Наличие на территории более чем тридцати стран сотен промышленных и исследовательских ядерных реакторов, десятков тысяч ядерных боеприпасов, множества различных объектов ядерной инфраструктуры создает объективные возможности для распространения терроризма на эту чрезвычайно чувствительную для мирового сообщества сферу. Положение усугубляется также тем, что в ядерной сфере работают сотни тысяч специалистов, а также вспомогательный персонал, что еще больше повышает вероятность нештатных ситуаций. Наибольшую опасность представля-

ет хищение ядерных боеприпасов и угроза их применения; к тяжелым последствиям могут привести и «успешные» попытки получить доступ к расщепляющимся материалам оружейного качества (или произвести их) и создать «грязную бомбу».

Не следует также сбрасывать со счетов опасность применения международными террористами в актах мегатеррора других видов ОМУ – биологического и химического. В 1995 г. радикальная религиозная японская секта «Аум Синрикё» фактически положила начало терроризму с использованием оружия массового уничтожения, применив боевой отравляющий газ зарин в токийском метро.

Угроза ядерного терроризма была осознана мировым сообществом еще в 1960–1970-е годы, что дало толчок к разработке и принятию в рамках ООН серии международно-правовых актов по ядерной безопасности и по различным аспектам предотвращения ядерного терроризма, начиная с Конвенции о физической защите ядерных материалов 1980 г.

В июле 2007 г. вступила в силу разработанная по инициативе России Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, которая стала первым универсальным международным договором, направленным на предотвращение подобных террористических актов. Ее цель – подвести эффективную правовую базу под международное сотрудничество в деле предотвращения актов ядерного терроризма, включая их пресечение и ликвидацию последствий, осуществление комплексных мер для антитеррористической защиты как мирного, так и военного атома.

В данном контексте следует добавить, что США пытались использовать борьбу с ядерным терроризмом для навязывания мировому сообществу своего видения путей укрепления международного режима ядерного нераспространения, а заодно переключить внимание с критики американской политики в области нераспространения ЯО на угрозу ядерного терроризма. Речь идет о серии т.н. ядерных саммитов, проводившихся в 2010–2016 гг. по инициативе администрации Б. Обамы, в ходе которых Вашингтон стремился увеличить ажиотаж по поводу проблемы ядерного терроризма и доказать (без предоставления убедительных фактов),

что главной угрозой для глобальной безопасности является именно и прежде всего возможное попадание ядерного оружия в руки экстремистов. При этом принижалась значимость других направлений борьбы за нераспространение ОМУ и стратегическую стабильность.

В качестве нового и весьма грозного вызова глобальной безопасности все большую актуальность приобретает *проблема связи между терроризмом и кибербезопасностью*. Целями кибератак могут стать транспортный сектор, банки, инфраструктура энергетики, включая атомную, системы очистки и подачи воды и даже военная инфраструктура, а возможное использование террористами компонентов ОМУ в сочетании с кибератаками может привести к самым тяжелым социально-экономическим последствиям, сопоставимым с применением ОМУ.

Как отмечалось выше, геополитические изменения и технический прогресс наполнили новым содержанием *военно-стратегический баланс двух ядерных сверхдержав*, лишив его одномерности и раздвинув «узкое» понимание стратегической стабильности, которое служило надежной основой для советско-американских договоренностей о контроле над ядерными вооружениями. Хотя Москва и Вашингтон по-прежнему стремятся к сохранению количественного и качественного паритета в стратегических ядерных силах, сегодня паритет уже не может ограничиваться только СЯС, а должен включать созданные или находящиеся в стадии разработки неядерные стратегические средства, разрушительная мощь которых все более приближается к возможностям ядерного оружия. Причем ведущая роль в создании стратегических неядерных вооружений принадлежит США.

Ниже будет дан краткий обзор положения дел в высокотехнологичных сферах вооружений, которые в совокупности с поддержанием баланса в сфере стратегических ядерных вооружений определяют состояние стратегической стабильности, а именно: *противоракетная оборона, космические вооружения, сверхточное и гиперзвуковое оружие*.

В настоящее время Россия и Соединенные Штаты руководствуются разными подходами к оценке стратегической стабиль-

ности. В России считают, что понимание стратегической стабильности на современном этапе должно охватывать как наступательные, так и оборонительные стратегические вооружения, а также совокупность новых видов сверхэффективного обычного оружия (средства ПРО, гиперзвуковое оружие, сверхточные и космические вооружения), т.е. системы, выходящие за рамки ядерного баланса сторон и, соответственно, за рамки существующего правового регулирования. В Москве уверены, что взаимосвязь этих факторов становится все более очевидной, а упорное нежелание Вашингтона учитывать стратегическое значение высокотехнологичных систем обычных вооружений оказывает все возрастающее дестабилизирующее воздействие на общий стратегический баланс.

Со своей стороны, Соединенные Штаты настаивают на том, что различие между ядерными и обычными высокотехнологичными вооружениями по-прежнему существует, по крайней мере применительно к стратегической стабильности, которая по-прежнему опирается на «классический» баланс стратегических наступательных ядерных средств, или, иными словами, является «стабильностью гонки вооружений»¹.

Тем не менее при президенте Дж. Буше-мл. США предприняли некоторые шаги в сторону отказа от привычного наполнения концепции стратегической стабильности, окрестив ее наследием холодной войны, излишнеотягощающим «партнерские» отношения с Россией. Сам термин «стратегическая стабильность» при Дж. Буше практически исчез из лексикона американских политиков.

В то же время весьма популярной стала идея достижения США полного глобального военного превосходства (*full spectrum dominance*), в том числе – путем развертывания глобальной системы противоракетной обороны, создания новых сверхэффективных неядерных вооружений (естественно, при сохранении ядерных средств сдерживания), способных наносить молниеносные (в

¹ В Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений от 2010 г. (СНВ-3) США также не пошли дальше фиксации «традиционного» понимания стратегической стабильности, учитывающего только компоненты стратегической триады.

течение одного часа) удары высокой точности по любой точке земного шара.

В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, в течение 30 лет скреплявшего взаимное ядерное сдерживание, служившего основой процесса ограничения стратегических вооружений. При этом Вашингтон упирал на необходимость создания противоракетного щита «для защиты от вероятного ракетного удара, который может исходить из стран, находящихся вне международной системы», декларируя, что принятое решение «никоим образом не скажется» на новых отношениях с Россией или на ее безопасности. Взамен США предложили России укреплять стратегическую стабильность через механизмы доверия и транспарентность программ стратегических вооружений¹.

Однако опыт начала 2000-х годов наглядно продемонстрировал, что одних громких деклараций о партнерстве и дружбе недостаточно для фундаментальных изменений в стратегической сфере и без приложения дальнейших усилий в области контроля над вооружениями они не могут служить альтернативой отношениям взаимного ядерного сдерживания. На смену Договору СНВ-1, действие которого заканчивалось в 2009 г., был подготовлен и вступил в силу в феврале 2011 г. Договор СНВ-3, рассчитанный на десять лет с возможным одноразовым продлением еще на пять лет² (выработанное в предыдущее десятилетие соглашение СНВ-2 не было должным образом ратифицировано и не вступило в силу)³.

¹ Именно такой подход США предложили положить в основу очередного соглашения о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП от 24 мая 2002 г.), так и не ставшего полноценным соглашением, поскольку стороны не смогли договориться о правилах взаимозачета и мерах верификации.

² Существенно, что сам термин «стратегическая стабильность», вышедший из употребления при президенте Дж. Буше-мл., вновь вернулся в военную доктрину и в политический лексикон США в апреле 2010 г. одновременно с подписанием Договора СНВ-3. В «Обзоре ядерной политики» администрации Б. Обамы ему была посвящена отдельная глава.

³ Договор СНВ-3 сокращает число боеголовок США и России до самого низкого уровня с 1950 г. Число развернутых стратегических носителей ядерных боеголовок, включая баллистические ракеты наземного базирования и на подвод-

Опыт работы над Договором СНВ-3 вновь продемонстрировал неизменность курса США на отказ от любых инициатив, позволяющих распространить режим контроля над вооружениями на *средства противоракетной обороны* и обеспечить тем самым равноправие и взаимный учет озабоченностей в сфере безопасности. Выйдя из Договора по ПРО, Вашингтон продолжал убеждать Москву в том, что переход к развертыванию системы глобальной противоракетной обороны, равно как и разработка стратегических ракет нового поколения в неядерном варианте, не нарушат стратегической стабильности и направлены в основном на нейтрализацию угрозы применения ОМУ «странами-изгоями».

Российская сторона все же настаивала на отражении в Договоре СНВ-3 взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающей важности такой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений, оговорив возможность выхода из Договора в случае неумеренного наращивания потенциала американской ПРО.

В свою очередь, резолюция Сената США о ратификации Договора СНВ-3 имела прямо противоположную направленность: от президента требовалось реализовать в полном объеме все имеющиеся противоракетные программы, акцентировалась приверженность Вашингтона совершенствованию своего «стратегического оборонительного потенциала» в количественном и качественном отношениях в период действия договора.

Перспективы последующего продления Договора СНВ-3 пока довольно туманны, особенно с учетом заявлений нынешнего президента США Д. Трампа, который раскритиковал договор как «плохое для США» соглашение, выгодное, в первую очередь, Москве, а не Вашингтону. Маловероятно также, что в ближайшей перспективе сторонам удастся сесть за стол переговоров для обсуждения дальнейших сокращений СЯС, хотя, в принципе, Москва

ных лодках, а также стратегических бомбардировщиков до конца 2018 г. должно уменьшиться с каждой стороны до 700 единиц, а самих боезарядов – до 1550 единиц. Эти показатели должны сохраняться до 2021 г. Далее сторонам предстоит либо продлить действие договора, либо заключить иной договор.

приветствовала бы возобновление диалога с США по вопросам стратегической безопасности.

Пока еще нет целостной картины того, какую политику намерена проводить администрация Д. Трампа в сфере ядерных стратегических вооружений. Пентагон еще в январе 2017 г. приступил к работе на новом «Обзоре ядерной политики», который был опубликован в начале 2018 г. В нем был намечен курс на «избавление от наследства» Б. Обамы, заявлявшего о приверженности политике ядерного разоружения, и на осуществление масштабных мер по модернизации и наращиванию американского потенциала сдерживания.

Еще при администрации Б. Обамы США запустили проект модернизации стратегической ядерной триады, на реализацию которого в предстоящие 30 лет будет потрачен 1 трлн долл. и который будет включать в себя разработку новой крылатой ракеты дальнего радиуса действия, новых средств доставки (подводные лодки, МБР и стратегический бомбардировщик), модификацию боеголовок и др.

Естественно, Москва предпринимает конкретные шаги по укреплению потенциала сдерживания СЯС, не ограничиваясь только заявлениями о способности российских МБР преодолеть существующую и перспективную ПРО. Россия тоже обновляет свою ядерную триаду (строительство новых подводных лодок, МБР и бомбардировщиков), причем программа модернизации российских СЯС на отдельных направлениях опережает американские программы.

Сроки осуществления и масштабы как российской, так и американской программ модернизации могут меняться в зависимости от внутривнутриполитических приоритетов. Вместе с тем следует отметить, что ни одна из сторон не наращивает свои стратегические силы количественно. Более актуальным является вопрос, будет ли в дальнейшем поддерживаться качественный паритет в отсутствие действующего договора о контроле над стратегическими вооружениями, такого как Договор СНВ-3.

В России не осталось сомнений относительно основных тенденций развития американской программы глобальной ПРО, как

бы ни варьировались географическая приоритетность и технологическая начинка конкретных проектов. Российское руководство полагает, что в итоге американская система ПРО будет сконструирована, сформирована и построена таким образом, чтобы значительно обесценить потенциал стратегического ядерного сдерживания России, а также Китая. «Зацикленность» США на создании глобальной ПРО уже привела к серьезному обострению противоречий между Россией и США и фактически заблокировала дальнейшую совместную работу перед лицом новых угроз стратегической стабильности.

Зафиксированные международным правом ограничения и запреты на *использование оружия в космосе* не носят всеобъемлющий характер. По-прежнему отсутствуют нормы, запрещающие размещение на околоземной орбите обычных вооружений, нет общепринятого определения терминов «космическое оружие», «оружие в космическом пространстве», «применение силы» или «угроза силой» в космосе и из космоса.

Вопрос о дестабилизирующих последствиях появления оружия в космосе традиционно фигурировал в повестке дня ООН, других многосторонних и двусторонних форумов, включая советско-американские и российско-американские переговоры по ограничению ракетно-ядерных вооружений. Еще в 1981 г. СССР внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Важной недавней инициативой, имеющей целью принятие превентивных мер против появления новых высокотехнологичных дестабилизирующих видов оружия в космосе, стал выдвинутый в 2008 г. российско-китайский проект договора, запрещающего размещение в космосе оружия любого вида, а также применение силы или угрозы силой в отношении космических объектов (Договор о предотвращении размещения оружия в космосе, ДПРОК). Большинство государств выступили в поддержку ДПРОК, однако негативное отношение США к этому договору препятствует его продвижению.

Начиная с 1950-х годов и по сей день американские администрации используют практически неизменный набор аргументов

для обоснования своих планов разработки и вывода в космос оружейных систем. Речь всегда идет об интересах национальной безопасности, необходимости добиться лидерства в космосе и сохранить его, защитить свои космические средства и средства союзников от угрозы нападения и т.п. На деле, как показывает история с программой «звездных войн» Р. Рейгана, интересы безопасности других акторов просто игнорируются, а на передний план выходит задача получить одностороннее стратегическое превосходство, использовать космос по своему усмотрению, что самым отрицательным образом влияет на сохранение стратегической стабильности.

В Москве исходят из того, что появление оружейных систем в космосе приведет к тяжелым последствиям для существующей архитектуры международной безопасности, подрвет усилия по укреплению военно-стратегической стабильности и может привести к началу новой гонки вооружений, и не только космических. Превращение космического пространства в потенциальную сферу военного противостояния несет в себе реальную угрозу подрыва существующей системы договоренностей по сокращению вооружений, предотвращению распространения ОМУ и ракетных средств его доставки.

Возрастающий потенциал обычных вооружений открыл *новые возможности для применения сверхточных неядерных систем*, в том числе против стратегических целей, что послужило стимулом для окончательного формирования и дальнейшего развития в США на рубеже 1990–2000-х годов концепции «упреждающе-превентивного» неядерного глобального быстрого удара (НГБУ), как наиболее эффективного ответа на новые вызовы со стороны международного терроризма и так называемых «государств-изгоев».

Поставив задачу обеспечить возможность нанесения такого удара по целям в любой точке земного шара в течение часа, Вашингтон, как считают в Москве, взял курс на создание потенциала неядерного стратегического оружия, которое может представлять реальную опасность для ядерных сил России, но при этом не подпадает напрямую под действующие международные соглашения в области контроля над вооружениями. На деле это означает, что в сфере военного противостояния появляется новый фактор, деста-

билизирующее влияние которого для стратегической стабильности постоянно возрастает.

Пентагон приступил к разработке целого ряда проектов по созданию сверхточных неядерных систем с опорой на использование стратегических и нестратегических баллистических ракет наземного и морского базирования, вооруженных как неядерными боеголовками, способными двигаться в атмосфере по баллистической траектории, так и гиперзвуковыми, летящими по настильной траектории и маневрирующими для точного наведения на цель.

Проводимая в США работа вызывает растущую озабоченность у российского руководства, постепенно становится еще одним серьезным раздражителем в отношениях между двумя странами в военно-политической сфере. В Москве считают, что развертывание средств НГБУ в совокупности с такими программами, как система глобальной ПРО и космические ударные системы, может иметь крайне негативные последствия для глобальной стабильности, стать главным фактором, подрывающим сложившееся стратегическое равновесие и подкрепляющим претензии США на достижение глобального военного доминирования. Естественно, что такого рода планы Россия относит к числу основных внешних военных угроз.

Продолжение программы НГБУ, категорическое нежелание Вашингтона идти на юридические договоренности, рассматриваются в Москве как одни из главных препятствий к дальнейшему взаимодействию с США в стратегической области.

За последние четыре десятилетия ядерные арсеналы СССР/России и США кардинально уменьшились, само существование ядерного сдерживания как опорного фактора, определяющего основное содержание глобальной стратегической стабильности, на каком-то этапе стало отступать на второй план под натиском новых вызовов и угроз, требующих совместных усилий для их нейтрализации. Однако приходится признать, что ясных и обоснованных альтернатив, которые могли бы составить основу новых стратегических отношений ядерных держав, не являющихся военно-политическими союзниками, найти не удалось. *В обо-*

зримой перспективе ядерное сдерживание будет по-прежнему оставаться ключевым фактором, определяющим стратегические отношения России и США (на долю которых приходится около 90% имеющегося в мире ядерного арсенала) и их подходы к поддержанию стратегической стабильности. Об этом, в частности, говорит и тот факт, что «узкое» понимание стратегической стабильности нашло отражение в Договоре СНВ-3.

В настоящее время в военно-стратегических представлениях российской политической элиты заметно возросла роль ядерного потенциала как гаранта национальной безопасности страны, особенно в условиях, когда мнение, что возможность вооруженного конфликта с Западом остается в повестке дня, вновь начинает укрепляться. Отсюда и оценка ядерного сдерживания как ключевого фактора в поддержании стратегической стабильности, который становится даже более важным для обеспечения безопасности, чем это было в годы холодной войны.

В Москве вызывает серьезную озабоченность *эволюция подходов США к понятию стратегической стабильности - от стабильности на основе взаимного сдерживания двух ядерных сверхдержав к «стабильности» на основе военного превосходства*, т.е. к ситуации, повышающей мотивацию США к использованию военной силы в качестве основного инструмента внешней политики.

Очевидно, что обеим странам не хватает взаимной уверенности в том, что ни одна из них не нарушит «правил игры» и не попытается склонить ядерный баланс в свою пользу. Возврат к конфронтации и отсутствие взаимодействия могут породить кризисы, сопоставимые с кризисами времен холодной войны. И здесь явно недостаточно одного только дальнейшего сокращения арсеналов ядерного оружия, поскольку в представлении российского руководства передовые неядерные вооружения, милитаризация космоса и киберпространства оказывают все возрастающее влияние на стратегическое равновесие.

США и Россия должны расширять области взаимодействия в стратегической сфере, такие как неукоснительное выполнение Договора СНВ-3 и его потенциальное продление, ядерная сделка с Ираном, снижение накала кризиса на Корейском полуострове,

подключение других ядерных держав к режиму контроля над вооружениями, борьба с международным терроризмом и др. Нет сомнений, что преодоление факторов, способствующих углублению стратегической нестабильности в многополярном мире в XXI в. может быть достигнуто только в результате новых совместных усилий.

Таким образом, представляя результаты анализа в систематизированном виде, отметим, что компонентами *традиционной системы стратегической стабильности между мировыми державами, характерной для периода биполярной конфронтации и тактуемой в общеполитическом смысле*, были такие процессы и явления, как:

- параллельное создание и существование балансирующих друг друга систем союзнических отношений между США и связанными с ними странами развитого капитализма (в форматах блоков НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и др.), с одной стороны, и СССР и связанными с ним социалистическими государствами (в формате Организации Варшавского договора), а также странами социалистической ориентации, с другой стороны;

- наличие у ведущих держав противостоящих блоков ядерного оружия и достижение примерного качественного и количественного паритета ядерных вооружений;

- организация процесса постепенного ограничения и сокращения ядерных вооружений на пропорциональных началах в форме ряда соглашений ОСВ и СНВ;

- внедрение разветвленной системы верификации и проверки выполнения соглашений об ограничении и сокращении вооружений;

- предотвращение дальнейшей интенсификации гонки ядерных вооружений в результате заключения и соблюдения в течение трех десятилетий Договора по ограничению систем стратегической ПРО;

- предотвращение географического расползания ОМУ, появления новых ядерных центров силы и усложнения мирового ядерного баланса в результате заключения и вступления в силу

Договора о нераспространении ядерного оружия, создания и развития режима нераспространения;

– достижение и закрепление в форме Договора об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе примерного паритета противостоящих блоков в области неядерных вооружений;

– разработка в практической дипломатии и соблюдение (с отдельными отступлениями) общих принципов и правил взаимодействия сверхдержав, включавших общий (не всегда точный) раздел сфер геополитического влияния.

После окончания холодной войны, распада СССР и образования в Европе новых независимых государств проявились *новые факторы, прямо или косвенно ведущие к дестабилизации и подрыву стратегической стабильности*:

– нарушение режима нераспространения ядерных вооружений и появление новых фактически ядерных государств, создание региональных ядерно-силовых балансов;

– более широкое распространение ракетных технологий, обретение новыми странами носителей средней и большой дальности для доставки ядерных и неядерных боеприпасов, потенциального нанесения стратегического неприемлемого ущерба широкому кругу мировых и региональных держав;

– эрозия системы договоров и соглашений об ограничении и сокращении вооружений (прекращение в силу разных обстоятельств действия Договоров по ПРО, ДОВСЕ, невступление в юридическую силу ДВЗЯИ, срыв переговоров по верификации КБТО, угрозы подрыва РСМД и др.);

– новая ставка США на создание системы стратегической ПРО, что ведет к дестабилизации системы ядерного паритета и мотивирует другие ядерные державы, включая Россию и КНР, к качественному совершенствованию своих ядерных арсеналов;

– значительное повышение роли негосударственных акторов международных отношений;

– расширение применения террористических методов в мировой политике и возникновение опасности терроризма с потенциальным применением ОМУ;

- возникновение связи между терроризмом и кибербезопасностью, перенос конфронтации в киберсферу;
- неудача попыток достичь всеобъемлющих международных соглашений по запрещению милитаризации космоса, появление возможности развертывания гонки космических вооружений с дальнейшим потенциальным подрывом международной стабильности в результате военного превосходства отдельных держав в космосе;
- разработка сверхточных и мощных систем неядерных вооружений, способных обеспечить нанесение стратегического поражения противнику и без использования ОМУ;
- развитие робототехники и дистанционно управляемой техники в военном деле.

Наконец, можно выделить и определить *направления международной деятельности, которые могли бы содействовать сохранению и упрочению по-новому понимаемой многосторонней стратегической стабильности в международной системе на современном этапе:*

- превращение двустороннего диалога РФ – США по ограничению и сокращению вооружений в многосторонний, вовлечение в процесс других держав – обладателей ОМУ;
- развитие многосторонней системы мер укрепления доверия, транспарентности в военной сфере (на базе расширения и развития уже существующих механизмов ОБСЕ, Венского документа, двусторонних соглашений о предотвращении военных инцидентов, а также инцидентов на морях и в воздушном пространстве и др.);
- продолжение и развитие процесса СНВ в направлении заключения нового соглашения РФ – США, предусматривающего снижение развернутых стратегических ядерных арсеналов до масштабов ниже 1000 боеголовок у каждой из сторон («от тысяч – к сотням»), что позволит преодолеть психологический барьер и поставить вопрос о вовлечении в переговоры других держав – обладателей ОМУ;

- вовлечение арсеналов нестратегического ядерного оружия в процессы ограничения и сокращения ОМУ;
- разработка и закрепление юридически обязывающих соглашений об общеполитических правилах действия держав и международных организаций на международной арене в условиях многополярности (в развитие ранее предложенных Россией принципов Договора о европейской безопасности);
- дальнейшее развитие системы региональных межгосударственных организаций с функциями создания и сохранения региональных систем безопасности, упрочение новой группы международных альянсов «незападного типа» (ШОС, БРИКС, ОДКБ, ЕАЭС и др.);
- общее развитие структуры международной системы в направлении устойчивой многополярности, переход к пониманию общеполитической стратегической стабильности как многостороннего процесса и баланса, который основывается не на «гарантированном взаимном уничтожении», а на системе международного сотрудничества, позитивных стимулах, взаимозависимости и балансе интересов.

В целом, несмотря на существенную эволюцию международной системы, сохранение и упрочение стратегической стабильности между ведущими державами остаются ключевыми условиями обеспечения международного мира и безопасности на планете.